

DOI: 10.24412/2310-2144-2022-1025666

UDC: [902+811.1]

Semiotics of the Bronze Age burials in wheeled vehicles in the Northern Pontic area

Iuliia V. Kozhukhovskaia

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation;

E-Mail: jv-k@mail.ru

Abstract

The article focuses on mythological and ritual role of the wagons in the burial rite of the Early and Middle Bronze Age in the Northern Pontic area and neighboring territories. The paper considers the factors that underlie the cosmological beliefs of the peoples inhabiting the area under study: the location of the wagon in the burial and the location of the skeletal remains in relation to the wagon; placing the wagon solely or in combination with a draft animal; single-part wagon or dismantled wagon in burials. Special attention is given to the interaction of the cosmological systems of the Neolithic and Bronze Ages. The elements of the Neolithic cult of the earth are set that preserved in the ritual system of the Bronze Age, interwoven with the myth of the dying and rising sun that prevailed in the Bronze Age. The research determines the etymology of a wagon in Indo-European languages and draws parallels in the ritual and mythology of the Indo-European cultures. Its cosmological role as the embodiment of the Axis Mundi is identified. At the same time, the ritual changes during the transition from Yamnaya to the Catacomb culture or within the particular culture, the fact that suggests polymorphism of the cult with its dynamic character.

Keywords: semiotics, Indo-European studies, etymology, Bronze Age, Yamnaya culture, Catacomb culture, burial rite, burials in wheeled vehicles, Northern Pontic area, mythopoetic thinking.

Семиотика обряда погребений с повозками эпохи бронзы в Северном Причерноморье

Ю.В. Кожуховская

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия;

E-Mail: jv-k@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена мифо-ритуальному значению повозки в погребальном обряде эпохи ранней и средней бронзы в Северном Причерноморье и прилегающих территориях. В работе рассмотрен комплекс факторов, которые лежали в основе космологических представлений народов,

населявших рассматриваемую местность: расположение повозки в погребении и расположение костяков относительно повозки; размещение повозки самостоятельно или в сочетании с тягловым животным; целый/разобранный вид повозки в погребениях. Особое внимание уделяется взаимодействию космологических систем эпохи неолита и эпохи бронзы. Установлен ряд элементов, которые представляют собой пережиток культа земли, которые сохранились в ритуально-обрядовой системе эпохи бронзы на рассматриваемой территории, вплетаясь в главенствующий в эпоху бронзы миф об умирающем и воскресающем солнце. В статье рассматривается этимология повозки во взаимосвязи с ее конструктивной семантикой в индоевропейских языках и фокусируется на аналогиях в ритуале и мифологии других народов индоевропейской общности. На этой основе выявляется ее космологическая роль как воплощение оси *Axis Mundi*. Вместе с тем, наблюдается вариация ритуала (при переходе от ямной к катакомбной культуре или в рамках одной культуры), что свидетельствует о полиморфности культа, который имел динамический характер.

Ключевые слова: семиотика, индоевропеистика, этимология, эпоха бронзы, ямная культура, катакомбная культура, погребальный обряд, погребения с повозками, Северное Причерноморье, мифопоэтическое мышление.

Введение

Находки повозок в погребениях эпохи бронзы многочисленны в Евразийских степях, что свидетельствует об особой роли повозки в космологических представлениях, населявших их культур. Основная цель статьи заключается в выявлении символического кода обряда погребений с повозками эпохи ранней и средней бронзы в Северном Причерноморье и на сопредельных территориях, основываясь на корреляции ритуала и мифа.

Материалы и методы

Обращение к семиотическому подходу обусловлено знаковым характером культуры, в том числе ее ритуального аспекта. Возникновение погребального обряда с повозкой связывают с носителями ямной и новотитаровской культур (Избицер, 1993): в то же время рассматриваемый обряд наиболее распространен в бассейне р. Кубань и превалирует именно в новотитаровской культуре синхронной поздней фазе ямной культуры, где повозка или ее элементы встречаются в каждом четвертом захоронении взрослого индивида (Гей, 1991, с. 66; Кайзер, 2010, с. 113). В Северном Причерноморье по разным подсчетам обнаружено до 70 погребений ямной культуры, сопровождавшихся повозками или их деталями (Избицер, 1993; Иванова, Цимиданов, 1993, с. 23-34; Николова, 2006, с. 81). М.Л. Уэст классифицирует колесные транспортные средства: на повозки, которые появились до 3300 г. до н.э., и колесницы, получившие распространения около 2000 г. до н.э. (West, 2007, р. 40). Аспекты погребений с повозками эпохи бронзы на данной территории рассматривали В.Н. Корпусова, С.Н. Ляшко, Э. Кайзер и другие исследователи. Детальный анализ погребений с повозками представлен в диссертации Е.В. Избицер (1993) "Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III–II тыс. до н. э." и в последующих работах. Выборка погребений с повозками также представлена в статьях С.В. Ивановой, В.В. Цимиданова (1993) "О социологической интерпретации погребений с повозками ямной культурно-исторической общности", Н.А. Николаевой (2007) "Индоарии на Северном Кавказе (III тыс.)".

Интерпретация обряда следует из установленного индоевропейского характера ямной и новотитаровской, а также катакомбной культур. Вопросы праиндоевропейского языка и религии освещены в работах Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванова, в частности "Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры". Особенности космологических моделей данной эпохи, в том числе, в отношении повозок рассматривали Т.Я. Елизаренкова, М. Элиаде, М.Л. Уэст, К. Кристиансен, С.В. Сотникова и др. Интерес к проблематике индоевропейских исследований подтверждает актуальность данной работы.

Обсуждение результатов

Повозки и колесницы играли центральную роль в жизнедеятельности общества эпохи бронзы, в то время как их назначение варьировалось в зависимости от периода функционирования, выполняя функции: сельскохозяйственную, боевую, будучи средством для жилья, передвижения и транспортировки, дальних путешествий, открытий и миграции (Kristiansen, 2011, p. 243-265; Ляшко, 1990, с. 43-44). Таким образом, в обряде могли использоваться повозки как функционировавшие при жизни владельца, так и изготовленные специально для погребения (соответственно: ритуальная функция).

Нужно отметить, что в эпоху неолита и ранней бронзы боевая функция населения степи не прослеживается в погребальном обряде, и первые наборы оружия появляются только в средней бронзе (Rassamakin, 1999, p. 154; Кайзер, 2010, с. 100). Соответственно истоки интерпретации погребений с повозками исходят из ее культового значения. Еще в XIX в. было отмечено представление о погребальной повозке-колеснице как о перевозчике души (Анучин, 1890), и связанное представление о жилище для кочевника в загробном мире, в первую очередь, на основе скифо-сарматского материала (Ростовцев, 1913; Андреева, 2014; Балонов, 1996). Однако некоторые особенности погребений свидетельствуют о более сложной системе верований и ритуала, которые были присущи племенам эпохи бронзы.

В ямной культуре колеса размещались по одному и более по углам могилы (или сторонам кузова) на уровне перекрытия, повозка чаще всего разобрана (Избицер, 1993, с. 8; Ляшко, 1990), в новотитаровской культуре – колеса также располагались на площадке рядом с ямой (Избицер, 1993).

Установление количества колес затруднительно из-за плохой сохранности дерева, и во многих случаях требуется обращение к реконструкции повозки или ее частей. Тем не менее, особо выделяются погребения с двумя или четырьмя колесами. Анализ размещения повозок в погребениях степных подкурганых культур показал, что во всех случаях повозки были четырехколесные (Избицер, 1993, с. 21). Данный факт обосновывает их космологическую роль. Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов (1984, с. 725) выделяют в хеттской традиции функцию колесницы как объезжания Солнцем четырех сторон света. Отсюда значимость четырех колес повозки, выделяемой на основе превалирующей части погребений, соответственно происходит обращение к пространственно-временным космологическим характеристикам (рис. 1). В Авесте именно четыре лошади везут повозку с душой в рай (Widengren, 1961, p. 809; Бессонова, 1982, с. 114). В данном ключе С.С. Бессонова интерпретирует рельеф из Трёхбратнего кургана в Северном Причерноморье, на котором изображен храм-повозка с обожествленной умершей, уподоблявшейся солнечному божеству (Бессонова, 1982, с. 113-114).

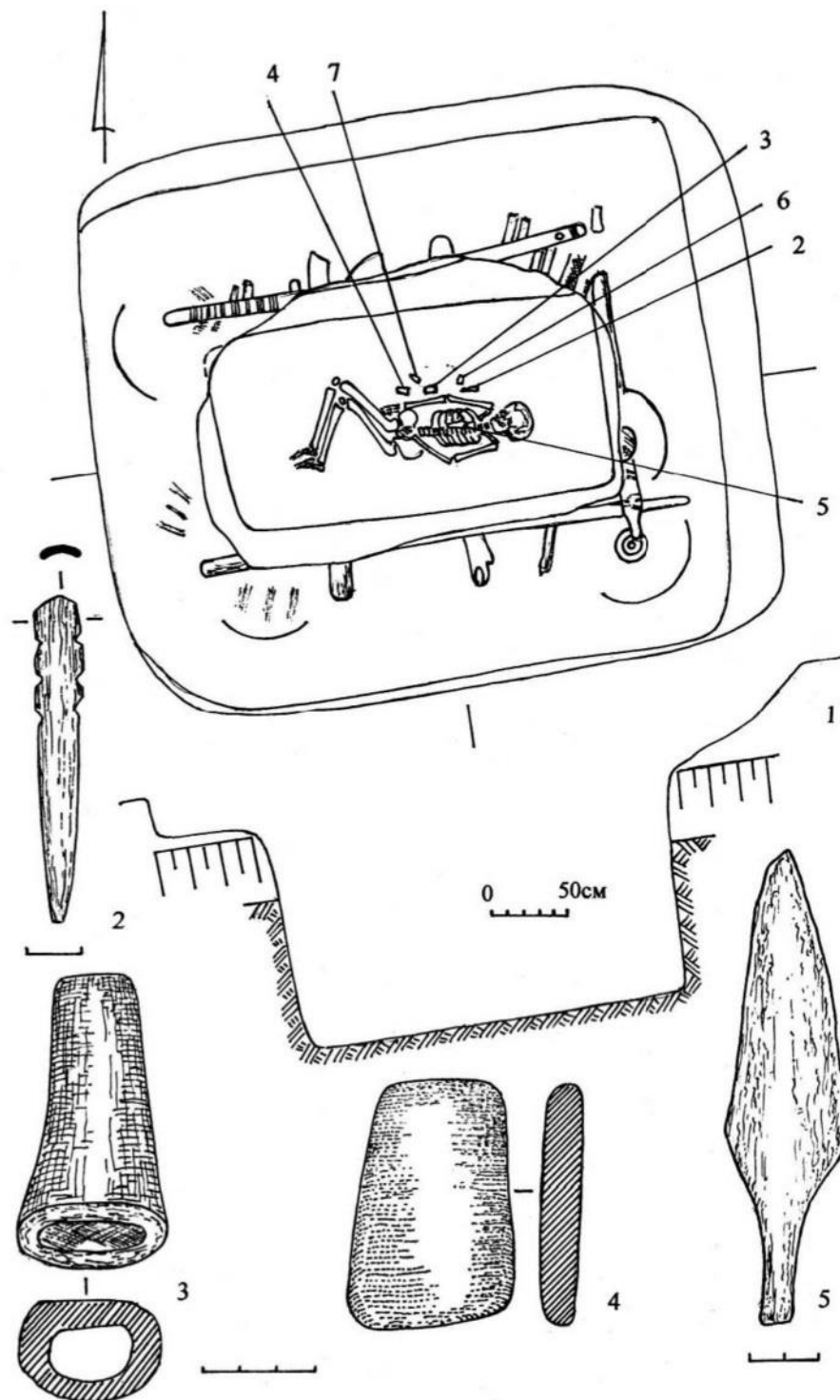

Рисунок 1. Погребение 8 с остатками повозки – курган № 1 у с. Долинка в Северном Крыму: 1 – план и разрез могилы, 2 – проколка костяная, 3 – изделие костяное в виде муфты, 4 – плитка песчаника, 5 – нож бронзовый, 6 – обломок кремня, 7 – створка морской раковины (Колотухин, 2008, рис. 6).

Таким образом, очевидна ассоциация повозки с храмом. В других регионах также прослеживаются изображения алтаря-повозки. Изображение из с. Усть-Бюрь в окуневских памятниках представляет совмещение признаков повозки и переносного алтаря и подразумевает доставку жертвы богам, где функцию возничего выполняет огонь (Есин, 2012, с. 31). В Северном Причерноморье известно погребение с повозкой (у с. Болотное в Присивашье), относящееся к катакомбной культуре, в которое помещен мешок с

пшеницей, найденный на частях повозки (Избицер, 1993, с. 14), располагавшейся у ног костяков (Корпусова, Ляшко, 1990, с. 166). Наличие в захоронении пшеницы свидетельствует о пище, которая могла предназначаться как богам (в случае погребения-жертвоприношения), так и погребенному (в случае обращения ритуала к его загробной участи).

В Предкавказье на некоторых повозках (катакомбное погребение Элиста II б/Г) лежали кости животных, каменные и бронзовые инструменты, в то время как колесо закрывало вход в камеру (Избицер, 1993, с. 11). В катакомбной культуре (хронологически следующей после ямной культуры) погребальный ритуал видоизменяется, и символизм повозки вписывается в новую систему верований. Повозки помещаются как во входной яме, так и в камере (Ляшко, 1990, с. 43-44). Конструкция катакомбы предусматривала закладку входа в погребальную камеру. В погребениях с повозками вход закрывают части повозки, или колесо (одно и более). В индоевропейской мифологии именно колесо служило причиной поражения солнечного бога (украденное у Сурьи колесо в Ригведе). Если вход камеры служил для отгорожения от мира живых, разделения двух миров в рамках дихотомии свое-чужое, то колесо или части повозки как солярные символы были частью космологической модели – картины мира, присущей данному социуму.

На повозке размещались не только пища и инвентарь (встречается редко), но и сами погребенные. Костяки лежали, иногда – сидели, полусидели на частях конструкции повозки (Избицер, 1993). Например, в погребении кеми-обинской культуры – костяк лежал на кузове повозки (вторая половина III тыс. до н.э.) (Избицер, 1993, с. 16), в погребениях Пруто-Днестровского междуречья в Етулия I/4 погребенный также лежал на повозке, но колеса стояли рядом в вертикальном положении (Избицер, 1993, с. 17). Подобный обряд находит аналогии в иных индоевропейских культурах, так в хеттской традиции существовало два вида погребальных повозок – для лежания и для сидения, последняя предназначалась для усаживания на нее образа, изображения умершего (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 726).

Тем не менее, в отдельных случаях прослеживаются вариации обряда. С новотитаровской культурой связаны повозки, установленные на значительном расстоянии от погребения (Избицер, 1993, с. 7). Кроме того, повозка могла располагаться в ногах погребенного, колеса сняты с осей (катакомбное погребение Левобережного Поднепровья) (Избицер, 1993, с. 15). Особенно в случае расположения погребенного на повозке, явствует аналогия повозки с мирозданием, с осью *Axis Mundi*, связывающей миры.

Осевые характеристики повозки четко прослеживаются на основе этимологии лексемы. Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов (1984, с. 721) реконструировали индоевропейскую номинацию *Нак[h]s* – ось, на которую насажены колеса на основе древнеиндоевропейской *акса-* (ось), греческой *ἄξων* (ось), латинской *axis* (ось повозки) и других. В ирландском – *aís* имеет значение не только "оси", но и "повозки"; в греческом *ἄμαξα* (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 721) – телега, четырехколесная повозка, созвездие Большая Медведица. Следует видение космоса как четырехколесной повозки, перенесение ее на небо (в созвездия) и в мифологию, характерное протоиндоевропейцам.

В ямной культуре повозки запрягались волами (Бессонова, 1982, с. 104). Кони, в первую очередь, относятся к легким колесницам (Bondár, 2018, р. 272), наиболее ранние из которых датируются началом позднего бронзового века и относятся к погребальному обряду синташтинского и потаповского типа Волго-Уральского региона (Kuznetsov, 2006,

р. 643). Повозки, запряженные быками, сравнимы с тяжелыми грузовыми повозками. В индийской и хеттской традициях на подобных повозках, запряженных быками (коровами), везли умерших к месту сожжения (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 729; Елизаренкова, 1976, с. 253, 379). В данном контексте актуальна не только функциональная сторона повозки с волами, но и истоки символизма быка в земледельческом культе земли, который уходит корнями в предшествующий период.

Существуют две точки зрения на социальный класс погребённых в повозках. Первая утверждает высокий статус умерших в погребениях с повозками (Иванова, Цимиданов, 1993, с. 23-34; Кайзер, 2010, с. 111; Bondár, 2018, р. 272; Бороффа, 1999, с. 80), вторая – связывает с традицией ритуального убийства, которое должно было обеспечить благополучие живых, высокий социальный ранг при этом необязателен (Избицер, 1993, с. 19-20). Кроме того, погребения с повозками не выделяются особым инвентарем или затраченными усилиями, и в определенных областях обряд становился обычной практикой (например, в Прикубанье) (Избицер, 1993; Гей, 1991; Трифонов, 1983).

Отдельные черты жертвенного обряда отчетливо прослеживаются на сопредельных территориях. Погребения с повозками Синташтинского могильника содержат расчлененные захоронения коней. С.В. Сотникова (2014, с. 178-180) связывает данный ритуал с мифом о принесении в жертву (миф о Пуруше, Имире и др.) как лежащий в основе ритуала разделения на части и создание "составной" жертвы, реализованный в отношении коней – ашва-медха (жертвоприношение коня).

В Северном Причерноморье и окружающих территориях ритуал разделения на части наблюдается в связи с находками повозок в разобранном виде. Они представлены повсеместно – в погребениях Левобережного и Правобережного Поднепровья, Погребения Пруто-Днестровского междуречья (Избицер, 1993, с. 15-18), и представлены как в разобранном виде, так и в форме фрагментов повозки (Shishlina, Kovalev, Ibragimova, 2014, р. 379). В отдельных случаях зафиксированы находки повозок в неразобранном виде, колеса, тем не менее, в основном снимались. Представляется вероятным, что в захоронениях Северного Причерноморья мотив жертвы концентрировался вокруг разобранной повозки, которая воплощала разобранную вселенную.

Данный ритуал, очевидно, является одним из воплощений концепции Вечного Возвращения, который, согласно М. Элиаде (Eliade, 1991, р. 66), заключается в периодическом разрушении и воссоздании мира. Путешествие солнечного бога на колеснице олицетворяет порядок космоса, и соответственно социума, в то время как любое его отклонение от курса символизирует нарушение структуры. Мотивы падения колесницы Фазтона (как ипостаси Гелиоса), увязшего в земле колеса колесницы Карны (как ипостаси солнечного бога в Махабхарате) и другие сюжеты характеризуют солнечную колесницу как основу благополучия вселенной.

Вместе с тем, ритуальная порча вещей наблюдается в связи с разными эпохами и в разных культурах. Кельты намеренно портили (то есть делали непригодным для использования в земном мире) приносимый в качестве жертвы предмет, чтобы божество приняло его (Кельтская., 2002). Данный обряд зафиксирован у сарматов, у которых предметам предавались "другие", "потусторонние" качества, где все "наоборот" (Бейсенов, Джумабекова, 2017, с. 28, 39); а также наблюдается в могильниках I-V вв. в бассейне р. Тулвы, где, по мнению О.А. Казанцевой (2018, с. 108), символическое "умерщвление" древних вещей совершалась, чтобы вещи впоследствии "оживали" в загробном мире и служили своим владельцам.

Следовательно, с точки зрения мифологического мышления ритуал символического разделения на части может иметь две интерпретации: 1) приобщение к первоначальному хаосу на основе дихотомии порядок-хаос (верхний-нижний миры Оси) в рамках функции разграничения двух миров; 2) возвращение к началу творения, воссоздание мира из частей, то есть функция циклического развития вселенной.

В частности, в связи с убийством скандинавского Имира связано представление о творении четырех ветров, отсюда следует четырехчастная пространственная модель мира. Однако данный миф не ограничивается четверичностью, что отражается в ритуале в форме обращения к различным числовым категориям. Так, с греческим Загреем связано деление на число семь, обращение же к быку как к земледельческому символу, в облике которого происходит расчленение Загрея, свидетельствует об истоках мифа в неолитических культурах.

В целом, миф о принесении в жертву не относится к исключительно индоевропейским сюжетам и имеет универсальный характер. Фольклорно-мифологические мотивы, которые предполагают создание элементов ландшафта или частей мироздания из тела первоначального существа, в соответствии с классификацией Ю.Е. Березкина, Е.Н. Дувакина, встречаются у берберов, в Вавилонии, у ацтеков в провинции Каруас (в центральных Андах), такана (в Боливии – Гуапоре), на островах Гилберта, в Древнем Китае, у тибетцев, у ораонов, бхуйяи, бондо и многих других народов.

Концептуализация созвездия Большой Медведицы как повозки, наоборот, распространена в основном среди индоевропейских народов. В древней Греции из семи звезд Большой Медведицы первые две принимались за быков, оставшиеся пять представляли изображение воза (Березкин, Дувакин, б.г.; Гигин, 1997, с. 35). Упоминания о Большой Медведице как о колеснице встречается у Гомера; в *Hom. II. XVIII. 487* и *Od. V. 273* используются термины ἄρκτος ("медведь") и ἄμαξα ("четырёхколесная повозка, телега"), отличная от боевой двухколесной колесницы, называвшейся ἄρμα (Березкин, Дувакин, б.г.).

В Эдде есть кеннинги для Одина "vagna verr" ("господин повозки"), "vagna grimnir" и "vagna Rôgnir" ("повозка Гримнира", "повозка Рогнира" то есть Одина) и "valdr vagnbrautar" ("правитель дороги для повозки"), где "vagnbrautar" – это дорога, по которой путешествует созвездие Большой Медведицы, то есть Один выступает правителем неба (Березкин, Дувакин, б.г.; Cleasby, Vígfusson, 1957).

Неотъемлемое сочетание волов и четырехколесной повозки, свидетельствует о древних истоках формирования мотива. А. Голан относит возникновение ассоциации четырехколесной повозки с богом грозы к IV – III тыс. до н.э., и лишь впоследствии солнце стало представляться едущим на колеснице, запряженной конями (Golan, 1991).

Как олицетворение солярного мотива в индоевропейской мифологии колесница принадлежала греческому Гелиосу, римскому Солу, скандинавской Сунне и т.д.; в Ведах – кроме Сурьи и Савитара, вимана также была атрибутом громовержца Индры. Одной из лексем, обозначающих ведийскую колесницу, является rátha- (санскр. "колесница"), отмеченная присущим ей метафорическим использованием (Крючкова, 2014, с. 155-177). В то же время вимана (vimāna) выступает как транспортное средство с более широким диапазоном словарных значений (кроме "колесницы", в соответствии со словарем М. Моньер-Уильямс – это "самоходное воздушное средство передвижения", "корабль", "лодка", "лошадь", "дворец", "храм" и т.д.) (Monier-Williams, 1899, p. 980). Все приведенные символы объединены солнечным символизмом. Непрямые лексические

значения включают в себя "меру", "расширение", "отмеривание", "перемещение", "наука о правильной мере или пропорции" в медицине (Monier-Williams, 1899, p. 980). Дальнейшая интерпретация Ригведы (I, 164, 48) трактует виману в качестве меры пространства и метафоры года в виде колеса "с 12-ю месяцами, тремя двойными временами года и 360-ю днями" (Елизаренкова, 1989, с. 249), что указывает на корреляцию пространства и года (и соответственно времени). Колесница-повозка становится воплощенным Временем. Следовательно, в ритуале через использование фрагментов повозки воспроизводится "разбирание" времени на части и возвращение к исходному мифопоэтическому состоянию космоса.

Заключение

В космологической модели индоевропейских народов повозка предстает как воплощение мироздания, с ней связано осмысление пространственно-временных характеристик космоса. Конструктивные характеристики повозки предполагают ось, на которую насажены колеса, что отразилось в этимологической взаимосвязи лексем "ось" и "повозка" в языках индоевропейской семьи. Учитывая солярный символизм колес, данная конструкция представляла мировоззренческую модель, фокусирующуюся на символике Центра (Axis Mundi) и мотиве вечного возвращения (умирающее и воскресающее солнце), иногда во взаимосвязи с конем (солярный символизм) или быком (культ земли). Сельскохозяйственная роль повозки в жизнедеятельности общества, а также четко проявленные земледельческие черты в ритуале свидетельствуют о пережитках земледельческих культов, получивших особое развитие в неолите и их наложении на космологическую картину народов, населявших Северное Причерноморье в эпоху бронзы. Из этого исходит культовая функция как основополагающая для повозки. Широко распространенный обряд "разбирания" повозки на части, использование в обряде отдельных ее частей (часто колеса), а также снятие колес с осей и расположение их по углам камеры соотносится с доминирующей четверичной пространственной моделью и воплощением в данном ритуале двух мотивов. С одной стороны, происходит отделение загробного пространства посредством ритуала "нарушения" космического порядка (сломанная повозка), с другой – миф о воссоздании мира из частей принесенного в жертву, который согласуются с мифом о возрождающемся солнце, путешествующем на колеснице. Вместе с тем, наблюдается вариация ритуала (при переходе от ямной к катакомбной культуре или в рамках одной культуры), что свидетельствуют о полиморфности культа, который имел динамический характер.

Литература

- Андреева, 2014 – Андреева М.В. Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. – М: Таус, 2014.
- Анучин, 1890 – Анучин Д.Н. Сани, лады и кони, как принадлежности похоронного обряда. – М.: Типография О.О. Гербек, 1890.
- Балонов, 1996 – Балонов Ф.Р. Культ коня и колесницы в скифо-сарматскую эпоху у народов евразийских степей и предгорий: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1996.

- Бейсенов, Джумабекова, 2017 – Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С. О древнем ритуале порчи предметов, используемых в обряде погребения кочевников // Поволжская археология. – 2017. – № 2 (20). – С. 28-46.
- Березкин, Дувакин, б.г. – Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (дата обращения 28.06.2022).
- Бессонова, 1982 – Бессонова С.С. О скифских повозках // Древности степной Скифии. – К.: Наукова думка, 1982. – С. 102-117.
- Бороффка, 1999 – Бороффка Н. Некоторые культурные и социальные взаимосвязи в бронзовом веке Евразии // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей: материалы к конференции. – Челябинск; Аркаим: Челяб. гос. ун-т, 1999. – С. 80-81.
- Гамкрелидзе, Иванов, 1984 – Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. 2. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984.
- Гей, 1991 – Гей А. Н. Новотиторовская культура (предварительная характеристика) // СА. – 1991. – № 1. – С. 54-71.
- Гигин, 1997 – Гигин Г.Ю. Астрономия. – СПб.: Алетейя, 1997.
- Елизаренкова, 1976 – Елизаренкова Т.Я. Атхарваведа: избранное. – М: Наука, 1976.
- Елизаренкова, 1989 – Елизаренкова Т.Я. "Ригведа" – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I-IV. – М: Наука, 1989. – С. 425-543.
- Есин, 2012 – Есин Ю.Н. Древнейшие изображения повозок Минусинской котловины // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2012. – № 1(3). – С. 14-47.
- Иванова, Цимиданов, 1993 – Иванова С.В., Цимиданов В.В. О социологической интерпретации погребений с повозками ямной культурно-исторической общности // Археологический альманах. – 1993. – № 2. – С. 23-34.
- Избицер, 1993 – Избицер Е.В. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа. III–II тыс. до н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1993.
- Казанцева, 2018 – Казанцева О.А. Порча вещей в погребальном обряде населения середины I тыс. н.э. (по материалам могильников бассейна р. Тулвы) // Ежегодник финно-угорских исследований. – Ижевск, 2018. – Т. 12, вып. 3. – С. 108-118.
- Кайзер, 2010 – Кайзер Э. Эгалитарное пастушеское общество versus воины-кочевники? Попытка реконструкции социальной структуры ямной и катакомбной культур // Stratum plus. – 2010. – № 2. – С. 99-120.
- Кельтская..., 2002 – Кельтская мифология. – М.: Издательство Эксмо, 2002.

- Колотухин, 2008 – Колотухин В.А. Курган №1 у села Долинка и ящичные гробницы раннего бронзового века Крыма // Херсонесский колокол. – Симферополь: СОНАТ, 2008. – С. 223-242.
- Корпусова, Ляшко, 1990 – Корпусова В.Н., Ляшко С.Н. Катакомбное погребение с пшеницей в Крыму // СА. – 1990. – № 3. – С. 166-175.
- Крючкова, 2014 – Крючкова Е.Р. Корабль в Ригведе // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – Т. X. Ч. 1. – СПб.: Наука, 2014. С. 145-177.
- Ляшко, 1990 – Ляшко С.Н. Колесный транспорт Северного Причерноморья в III – первой половине II тыс. до н.э. // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: Тезисы докладов Всесоюзного семинара. – Запорожье, 1990. – С. 43-44.
- Николаева, 2007 – Николаева Н.А. Индоарии на Северном Кавказе (III тыс.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2007. – № 1. – С. 3-26.
- Николова, 2006 – Николова А.В. К вопросу о культурной атрибуции погребений ранней бронзы с остатками транспортных средств в Северном Причерноморье // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12. – Воронеж: ВГПУ 2006. – С. 79-87.
- Ростовцев, 1913 – Ростовцев М.И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // Известия ИАК. Вып. 49. – 1913. – С. 1-62, 133-140.
- Сотникова, 2014 – Сотникова С.В. К вопросу о парных захоронениях лошадей в колесничных культурах эпохи бронзы: реконструкция ритуалов и представлений (по материалам памятников синташтинского и петровского типа) // Проблемы истории, филологии, культуры. – М., Магнитогорск, Новосибирск, 2014. – № 2 (44). – С 176-189.
- Трифонов, 1983 – Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы (периодизация и культурно-историческая характеристика): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1983.
- Bondár, 2018 – Bondár M. Prehistoric Innovations: Wheels and Wheeled Vehicles // Acta Archaeologica. – 2018. – Vol. 69 (2). – P. 271-297.
- Cleasby, Vígfússon, 1957 – Cleasby R., Vígfússon G. An Icelandic-English Dictionary. – Oxford: Clarendon, 1957.
- Golan, 1991 – Golan A. Myth and Symbol. Symbolism in Prehistoric Religions. – Jerusalem, 1991.
- Eliade, 1991 – Eliade M. Images and Symbols. Studies in Religious Symbolism. – Princeton: Princeton University Press, 1991.
- Kristiansen, 2011 – Kristiansen K. Bridging India and Scandinavia: Institutional Transmission and Elite Conquest during the Bronze Age // Wilkinson T.C., Sherratt S.,

- Bennet J. *Interweaving Worlds. Systemic Interactions in Eurasia, 7th to 1st Millennia BC.* – Oxford: Oxbow Books, 2011. – P. 243-265.
- Kuznetsov, 2006 – Kuznetsov P.F. The emergence of Bronze Age chariots in Eastern Europe // *Antiquity.* – 2006. – Vol. 80. – P. 638-645.
- Monier-Williams, 1899 – Monier-Williams M. *A Sanskrit-English dictionary: Etymologically and philologically arranged with special reference to Cognate Indo-European languages.* – Oxford: The Clarendon Press. 1899.
- Rassamakin, 1999 – Rassamakin Y. *The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500 – 2300 BC.* // Levine M., Rassamakin Y., Kislenko A., Tatarintseva N. *Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe.* – Cambridge: McDonald Institute, 1999. – P. 59-182.
- Shishlina, Kovalev, Ibragimova, 2014 – Shishlina N.I., Kovalev D.S., Ibragimova E.R. *Catacomb culture wagons of the Eurasian steppes* // *Antiquity.* – 2014. – № 88. – P. 378-394.
- West, 2007 – West M.L. *Indo-European Poetry and Myth.* – Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Widengren, 1961 – Widengren G. *Eschatology. Iran.* // *Encyclopedia of World Art. Vol. IV.* – London: McGraw-Hill Book Company, 1961. – P. 809.